

Глава 14

УСЫ, КРЕСТЫ И ВИСЕЛИЦА

Начало XX столетия характеризуется «грандиозным усовершенствованием средств уничтожения людей». Большую роль играли новые виды оружия — газы, танки, авиация. Однако Гражданская война в России вновь заставила обратить внимание на такой, считавшийся несколько устаревшим, род войск, как конница.

Противоборствующие стороны выдвинули целую плеяду блестящих кавалерийских военачальников, каждый из которых вполне может быть поставлен в один ряд с персонажами XVIII—XIX вв. — пруссаком Зейдлицем, австрийцем Лаудоном, французом Мюратом. Чаще же всего при подобных сравнениях возникало имя атамана Платова. И это не удивительно, ведь почти все прославленные кавалерийские предводители Гражданской войны либо происходили из казачьей среды, либо были уроженцами казачьих областей.

ШКУРО

Андрей Григорьевич Шкура родился 19 февраля 1886 г. в Екатеринодаре, в семье отставного полковника Кубанского казачьего войска. Впоследствии он предпочел сменить свою фамилию на Шкуро, что, впрочем, не избавило его от туповатых, но довольно злых издевок со стороны большевиков.

Во времена самодержавия будущий «ярый контрреволюционер» обладал репутацией «политически неблагонадежного элемента» и в бурном 1905 г. даже принял участие в так называемом бунте, приключившемся в 3-м Московском кадетском корпусе. Сам Шкуро не без юмора вспоминал об этом эпизоде своей биографии: «Общее беспредметное недовольство в обществе, несомненно, бессознательно проникло и в кадетские умы, и мы перешли в оппозицию к начальству, постепенно усиливавшуюся на почве бестактности некоторых педагогов; дело обострилось вопросом о неудовлетворительном качестве подаваемых котлет; началось брожение умов. Я написал обличительные, против начальства, стихи, которые с большим подъемом читал перед однокашниками. 3 октября произошел кадетский бунт. Мы поломали парты и скамейки, побили лампы, прогнали педагогов, разгромили квартиру директора корпуса и бушевали целую ночь... К утру наш дух протеста иссяк за отсутствием дальнейших объектов разрушения. Начались репрессии...», ограничившись тем, что после месячного изгнания Шкуро восстановили в корпусе. Искушая вину, он превратился в одного из самых старательных учеников и даже сумел благополучно пройти по конкурсу в Николаевское кавалерийское училище.

В 1907 г. Андрей Григорьевич был выпущен в 1-й Уманский казачий полк, после чего в качестве «охотника» отправился в Персию. Здесь он отличился в стычках с местными контрабандистами и получил свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й степени.

Вернувшись через год на родину, молодой офицер поначалу предался кутежам и амурным приключениям, но затем остепенился и женился на Т. С. Протасовой — дочери директора народных училищ Ставропольской губернии. В качестве свадебного путешествия супруги совершили вояж по Бельгии и Германии.

Первую мировую войну Шкуро встретил в должности младшего офицера 3-го Хоперского казачьего полка. Дебют его на поле сражения прошел вполне успешно. В на-

чале августа 1914 г. у Тарновы хоперцы верхом на лошадях выпрыгнули из вагонов в чистое поле и с ходу атаковали наступающие цепи неприятеля. Враг обратился в бегство. Вплавь переправившись через реку Сан, взвод Шкуро продолжил преследование противника и разгромил эскадрон немецких гусар. Отважный командир получил заветную «клюкву» — Св. Анну 4-й степени на шашку с красным темляком.

За бой при Таржимехи (в июле 1915 г.) Шкуро удостоился звания есаула. В решающий момент он появился перед немцами во главе команды пулеметчиков и встретил противника шквалом огня. Одна из вражеских пуль не миновала лихого казака и, ударившись в рукоятку висевшего на поясе кинжала, пробила живот. Если бы не этот самый кинжал, рана оказалась бы смертельной.

Во время очередного затишья на фронте Андрею Григорьевичу пришла в голову мысль развернуть партизанские действия на оккупированной немцами территории Минской губернии. Идея командованию понравилась, и вскоре он стал командиром Кубанского конного отряда особого назначения из 600 казаков и добровольцев. Правда, нового Дениса Давыдова из Шкуро не вышло: развернуть полномасштабную партизанскую войну не удалось «вследствие пассивности и запуганности населения». Тем не менее отряд получил большую известность; соотечественники называли его бойцов то почтительно — «волчьей сотней» (по черному знамени с оскаленной волчьей мордой), то слегка иронично — «шкурятами».

Летом 1916 г. «волчью сотню» перебросили в Галицию. Здесь Шкуро особо отличился, совершив 70-верстный рейд по тылам австро-венгерской армии. В Первую мировую войну подобные рейды были редкостью, в Гражданскую же они стали обычной практикой.

После Февральской революции «шкурят» решили перевести в Персию, в состав 1-го Кавказского кавалерийского корпуса (со штаб-квартирой в Хамадане). В отличие от других частей, «волчья сотня» практически не поддавалась большевистской пропаганде. Так, например, в пер-

сидском порту Энзели в ходе очередной политической дискуссии казаки поколотили группу матросов, заставили их встать на колени и пропеть «Боже, Царя храни». Далее, по дороге в Хамадан, «шкурята» внимательно выслушивали всех агитаторов, после чего также подвергали их порке.

Не удивительно, что по всему Кавказскому фронту за Андреем Григорьевичем и его подчиненными закрепились репутация врагов революции. После Октябрьского переворота подобная известность грозила смертельной опасностью. Ночью 26 декабря в Хамадане проходившего по двору Шкуро обстреляли с крыши соседнего дома. Одна из пуль должна была попасть прямо в сердце, однако на сей раз жизнь атаману спасли костяные газыри черкески...

К тому времени русские войска уже оставляли Персию. Наиболее надежные «шкурята» были демобилизованы, и самому Андрею Григорьевичу пришлось добираться домой без надежного эскорта. Боясь стать жертвой расправы, он переоделся в простого солдата и кое-как добрался до Энзели. Здесь Шкуро взяли под защиту его бывшие сослуживцы из 3-го Хоперского полка.

Весной 1918 г. в Кисловодске Андрей Григорьевич присоединился к своей семье. Тогдашний главком красных войск Северного Кавказа Автономов пытался привлечь его к реализации оригинального замысла: примирить Советскую власть с казаками и офицерами, создать из них новую русскую армию и начать борьбу против немцев. Во что мог бы вылиться этот план, сказать трудно, но вскоре Автономов лишился своего поста, а Шкуро пришлось перейти на нелегальное положение.

На глухой «волчьей поляне» Андрей Григорьевич устроил сходку своих соратников, где объявил о начале открытой борьбы против красных и создании Южной Кубанской армии. В тот момент армия вместе с самим командующим насчитывала всего 14 человек, однако довольно быстро численность ее выросла в сотни раз.

Шкуро сумел овладеть Кисловодском и даже выпустил собственную валюту — «шкуринки» (использував для этой

цели этикетки из-под лимонада). Красные стянули против него огромные силы, но лихой партизан вырвался из ловушки, сумев вывести из района Минеральных Вод огромные толпы курортников-«буржуев», которых в противном случае, вероятнее всего, ожидала бы жестокая расправа. Утащил с собой Андрей Григорьевич и огромные суммы из кисловодского казначейства, на которые впоследствии гулял еще несколько месяцев. Здесь следует отметить, что на протяжении всей своей карьеры «кубанский Платов» проявлял самый живой интерес к захвату военных трофеев.

В июле на Кубани появилась Добровольческая армия Деникина. Шкуро решил «преподнести» ей Ставрополь. Разгромив крупный красный отряд, он повесил комиссара Петрова и на повозке отправил его труп в город с запиской о том, что в ближайшее время весь местный Совнарком ждет подобная участь. Чуть позже по телеграфу Андрей Григорьевич передал большевикам ультиматум с требованием в 48 часов оставить Ставрополь, грозя, в противном случае, артиллерийским обстрелом. Заявление было не более чем блефом, однако красные действительно начали эвакуацию.

22 июля Шкуро въехал в город на автомобиле и с грустью обнаружил, что казначейство и банки уже находятся под контролем добровольцев. Тем не менее он тут же признал свое подчинение Деникину и вскоре был произведен в генерал-майоры (с мая 1919 г. — генерал-лейтенант). Авторитет Андрея Григорьевича был настолько велик, что в обход других, старших чинами военачальников, он получил под команду сначала кавалерийскую дивизию, а затем и корпус. При этом в великие полководцы Шкуро не метил и весьма скромно оценивал собственные способности: «Я в вашей стратегии, господа, ни черта не понимаю. Вот хороший набег сделать — это я умею».

Однако по части набегов Шкуро оказался обойденным своим «коллегой», донским казаком Мамонтовым, корпус которого в августе-сентябре 1919 г. прошелся по тылам красных до Воронежа и благополучно вернулся обратно. Части Мамонтова и Шкуро соединились у Коро-

тояка, причем Андрей Григорьевич явно терзался от зависти, подсчитывая огромные обозы с трофейным имуществом. В какой-то момент он даже собрался бросить фронт и устремиться напрямиком на Москву, однако один из приятелей-штабистов предупредил, что «...в этом случае ты будешь немедленно объявлен государственным изменником и предан, даже в случае полного успеха, полевому суду». Тактическая и стратегическая необходимость подобного набега действительно казалось сомнительной. Наступление белых на Первопрестольную развивалось вполне успешно, и падение столицы казалось делом ближайших недель.

1 октября корпус Шкуро овладел Воронежем, захватив 13 тыс. пленных, 35 орудий, «бесчисленные обозы и громадные склады», однако к городу уже спешила красная конница Буденного.

Не имея привычки воевать вдали от родных «курений», да еще и отягощенные громадной добычей, казаки начали разбегаться по домам. Те, кто еще продолжал сражаться, гибли в упорных и затяжных боях с буденновцами. Шкуро предпринял последнюю попытку отбросить противника от Воронежа, но потерпел неудачу. В ночь на 24 октября казаки оставили город.

Новый командующий Добровольческой армией генерал Врангель направил Деникину телеграмму: «Армия разваливается от пьянства и грабежей. Взыскивать с младших не могу, когда старшие начальники подают пример, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисления от командования корпусом генерала Шкуро, вконец развратившего свои войска». 15 декабря 1919 г. Андрею Григорьевичу предложили «подлечиться». Правда, по поручению Деникина, он тут же приступил к формированию новой армии — Кубанской, однако победоносно наступавшие красные войска уже не оставили шанса довести это дело до конца...

В мае 1920 г., так и не сумев наладить отношения с Врангелем, Андрей Григорьевич эмигрировал в Европу. Большую часть времени он жил в Париже, работал антрепренером и простым наездником в цирковой труппе. В ходе

Второй мировой войны принял участие в создании гитлеровцами специальных казачьих формирований из эмигрантов и советских военнопленных. Во главе резерва казачьих войск сражался против частей Красной армии, итальянских и югославских партизан. После капитуляции Германии отряды Шкуро с боями пробились на контролируемую англичанами австрийскую территорию. Однако в планы британцев вовсе не входила ссора с союзниками. В течение июня-июля 1945 г. они разоружили и передали советскому командованию около 35 тыс. казаков. В числе переданных вместе со Шкуро оказались и другие участники Гражданской войны — бывший атаман Войска Донского П. Н. Краснов, его племянник Семен, адыгейский князь Султан-Гирей Клыч. На суде к ним добавили атамана Казачьего Стана Т. Доманова и начальника эсэсовской казачьей дивизии фон Панвица. 17 января 1947 г. все они были повешены по приговору Верховного суда СССР.

БУДЕННЫЙ

Семен Михайлович Буденный родился 25 апреля 1883 г. на хуторе Козюрин (неподалеку от станицы Платовской), в области Войска Донского. Происходил он из семьи так называемых «иногородних» — крестьян, переселившихся на казачьи земли Дона и Кубани после реформы 1861 г. Большинство переселенцев либо вообще не имели собственных наделов, либо арендовали небольшие участки и, естественно, испытывали далеко не лучшие чувства к коренным обитателям этих мест — казакам, чьи обширные земельные владения зачастую оставались необработанными. Между тем сами казаки отнюдь не желали делиться излишками земли, ссылаясь на то, что в гораздо больших масштабах несут тяготы воинской повинности.

Действительно, в отличие от казаков, служивших фактически до 38-летнего возраста, «иногородние» отбывали воинскую повинность на общих основаниях (4—5 лет). Между тем среди них довольно часто встречались лихие наездники, вследствие чего «иногородние» призывники,

как правило, попадали в регулярные кавалерийские части — драгунские, гусарские, уланские. Одним из таких наездников оказался и Семен Буденный, успевший поучаствовать в Русско-японской войне и до 1907 г. проходивший службу в Приморском драгунском полку. Отличный мастер джигитовки и великолепный фехтовальщик, он был командирован в Петербург в школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе. Не раз Буденный брал призы на конных соревнованиях, однако остаться в столице ему не удалось. Командование полка отозвало столь ценного специалиста обратно на Дальний Восток. После окончания срока службы Семен Михайлович остался на сверхсрочную и к началу Первой мировой войны имел звание старшего унтер-офицера (на должности вахмистра).

Сначала в рядах 18-го Северского драгунского полка он сражался на Западном фронте, затем попал на Кавказский. За проявленный героизм получил четыре Георгиевских креста и четыре медали, однако в офицеры так и не выбился. Уже после Февральской революции драгунскую дивизию перебросили в Белоруссию, где она довольно быстро стала разлагаться. К моменту Октябрьского переворота часть фактически полностью «самораспустилась».

Буденный последовал примеру однополчан и уже в конце ноября 1917 г. (за три месяца до официальной демобилизации русской армии) вернулся на родину — в Платовскую, прихватив из части казенные седло и оружие.

В феврале 1918 г. «иногородние» провозгласили в Платовской Советскую власть. В окружной станице Великокняжеской состоялся съезд Советов, на котором Буденного избрали заведующим местным земельным отделом. Однако вскоре из Сальских степей начал наступление белоказачий отряд генерала Попова. Пали и Платовская, и Великокняжеская. Семен Михайлович со своим братом Денисом и еще пятью товарищами укрылись на хуторе Козюрин. Вскоре к ним присоединились еще 17 человек. Во главе этого небольшого отряда Буденный лихим налетом отбил родную станицу и освободил арестованных.

Тем не менее дни Советской власти на Дону были сочтены. Отдельные группы красных начали стягиваться к станции Куберле под защиту бронепоездов, построенных рабочими Донбасса. Здесь все разрозненные группы объединились в сводный отряд под командованием Шевкоплясова. Кавалерию отряда возглавил бывший вахмистр Думенко, а его заместителем стал Буденный. На совещании в Дубровском некоторые бойцы предложили создать еще и отрядный комитет, однако Семен Михайлович, видимо, понимал, что время митингов уже прошло, и выдвинул контрпредложение — инициаторов создания комитета арестовать и отправить в Царицын. Присутствовавший на совещании уполномоченный ЦК И. В. Сталин положительно оценил такую сознательность: «Выступление товарища Буденного в основном правильное...».

Впоследствии конница Думенко отважно сражалась под Царицыном. Сначала она именовалась 1-м Социалистическим кавалерийским полком, затем бригадой, еще позже дивизией. В ходе всех этих метаморфоз Семен Михайлович продолжал оставаться при Думенко вторым номером. За разгром Астраханской дивизии генерала Виноградова под Гнилоаксайской его наградили орденом Красного Знамени. В феврале 1919 г., проведя удачный рейд по тылам противника, Буденный вернулся к своим и сменил заболевшего тифом Думенко на посту начальника Отдельной кавалерийской дивизии. 24 марта Буденного утвердили на этой должности, а дивизию переименовали в 4-ю.

Подобно своему «оппоненту» Шкуро, Семен Михайлович обладал изрядной долей самокритики и в случаях, когда штабные спрашивали его мнение по поводу очередной операции, обычно отвечал: «А это вы как знаете. Мое дело — рубать». Вопросами идеологии он также не интересовался и, следовательно, никогда не был замечен ни в каких оппозициях. Секретарь Сталина Б. Бажанов следующим образом рассказывает о том, как в «незабываемом 1919-м» лихой «рубака» стал членом партии. «В какой-то момент Буденный в знак внимания получил из

Москвы подарки: автомобиль и партийный билет. Несколько встревоженный Буденный созвал главарей своей банды. “Вот, братва, — доложил он, — прислали мне из Москвы автомобиль и вот это”. Тут бережно, как хрупкую китайскую вазочку, положил он на стол партийный билет. Братва призадумалась, но по зрелом размышлении решила: “Автомобиль, Семен, бери; автомобиль — это хорошо. А “это” (партбилет), знаешь, хай лежит: он хлеба не просит”».

Бажанов неспроста называет буденновцев бандой. В условиях Гражданской войны убийства пленных, погоня за трофеями и грабежи мирного населения были обычной практикой как для красных, так и для белых, однако даже на этом фоне подчиненные Семена Михайловича отличались особой разнузданностью...

Весной 1919 г. части Буденного вместе с 6-й кавалерийской дивизией Апанасенко прикрывали отступление 10-й Красной армии от Маныча. В Царицыне обе дивизии объединили в Конный корпус Буденного. После падения «красного Вердена» Семен Михайлович предложил форсировать со своим корпусом Дон, разгромить железнодорожную станцию Миллерово (где находилось командование Донской армии), пройти по тылам белых и выйти к своим в районе Воронежа. Однако кавалерия противника оказалась более резвой. С зеркальной точностью скопировав этот замысел, генерал Мамонтов разгромил тылы красных и благополучно соединился с корпусом Шкуро. Красный фронт начал откатываться назад, и вскоре белоказаки уже во второй раз за месяц взяли Воронеж. Реввоенсовет республики приказал корпусу Буденного отбить город.

В ходе боев местного значения красным удалось существенно ослабить противника. Шкуро засел в Воронеже и, кажется, не проявлял готовности к активным действиям. Желая выманить его из города, Семен Михайлович решил сыграть на горячности белого генерала. Вместе со своими сподвижниками он написал ему письмо с ругательствами и неприличными выражениями. Переодевшись

в форму белого офицера, лихой разведчик Олеко Дундич передал письмо через дежурного, затем объехал оборонительные укрепления и, вернувшись к штабному вагону, швырнул в окна пару гранат.

Разумеется, такой наглости Шкуро вынести не мог. Его части вышли из города и атаковали Буденного. Силы противников были примерно равными, так что исход сражения зависел от воинского мастерства, отваги и упорства. В конце концов «шкурята» не выдержали и стали отходить к железной дороге, под прикрытие бронепоездов. Семен Михайлович поскакал на станцию и то ли уговорил, то ли заставил одного из машинистов направить свой паровоз на вражеский бронепоезд. Второй бронепоезд был захвачен красными после того, как группа рабочих взорвала пролет железнодорожного моста. На следующее утро Буденный телеграфировал в штаб фронта: «После ожесточенного боя доблестными частями Конкорпуса в 6 часов 24 октября занят город Воронеж. Противник отброшен за р. Дон. Преследование продолжается».

19 ноября вышел приказ о создании 1-й Конной армии. Семен Михайлович назначался ее командующим, членами реввоенсовета стали К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко. 9 февраля 1920 г. на гребне успехов конармейцы заняли Ростов-на-Дону. Здесь буденновцы вволю пограбили. Корреспондент газеты «Красный кавалерист» И. Бабель пометил в своем дневнике: «У всех есть золото, все набрали в Ростове, перекидывали через седло мешок с деньгами — и пошел».

Однако борьба вовсе не была кончена. Деникин готовил контрудар, и с наступлением весны оторвавшиеся от своих баз красные части вполне могли стать его добычей. На фронте появился новый Конно-сводный корпус Думенко, расположившийся восточнее 1-й Конной. Семен Михайлович был непрочь покомандовать своим бывшим начальником, однако тот предпочитал действовать самостоятельно. В результате Думенко и Буденный действовали несогласованно, и противник имел возможность громить их поодиночке.

В середине февраля и белые и красные почти одновременно перешли в наступление. У станицы Егорлыкской между соединениями Буденного и генерала Павлова произошло крупнейшее кавалерийское сражение Гражданской войны. С обеих сторон бились профессионалы, прошедшие школу царской армии: корпус Павлова состоял из казаков, костяк 1-й Конной — из бывших драгун и гусаров. Очевидцы вспоминали, что противники выстраивали свои боевые порядки в полном соответствии со старорежимными уставами. То красные, то белые попеременно брали верх, но затем попадали под артиллерийский и пулеметный огонь неприятеля и вновь откатывались обратно. Каждый остался при своем, но в конце дня на поле битвы подошла красная дивизия Майстраха и потихоньку заняла оспариваемые пункты. Отступление белых армий продолжилось и в конце концов завершилось новороссийской катастрофой (март 1920 г.).

Польская кампания продемонстрировала как сильные, так и слабые стороны 1-й Конной. Прорвав фронт противника под Уманью, Семен Михайлович в очередной раз блеснул умением успешно проводить глубокие кавалерийские рейды. Однако присущая буденновцам страсть к грабёжам привела к тому, что армия долгое время протопталась у Львова, не желая отказываться от столь ценного «приза». Следствием этой задержки стало поражение Тухачевского под Варшавой и общее отступление советского фронта к так называемой «линии Керзона». Вдобавок слухи об учиненных на Украине и в Польше еврейских погромах дошли до Москвы. 387 человек «убийц, громил, провокаторов и их сообщников» (преимущественно из 6-й дивизии Апанасенко) были приговорены к расстрелу и различным срокам тюремного заключения. Впрочем, благодаря влиянию, которым Ворошилов пользовался в ЦК, все они получили частичную или полную амнистию по случаю трехлетней годовщины Октябрьской революции.

В октябре 1920 г. 1-ю Конную двинули на Врангеля. Семену Михайловичу поручили захватить Перекоп и отрезать белые войска в Северной Таврии от Крыма. Одна-

ко часть врангелевцев сумела вырваться из «мешка» и разметать буденновцев. Потрепанные отряды конноармейцев пришлось отвести на переформирование, так что в окончательном завоевании Крыма они не участвовали.

Между тем пламя Гражданской войны постепенно затухало. Отдельные соединения буденновцев еще гонялись за бандами махновцев и «зеленых», однако их окончательная ликвидация считалась делом времени. По обвинению в контрреволюции в 1920—1921 гг. были казнены Думенко и Миронов, и с гибелью конкурентов Семен Михайлович стал именоваться первой шашкой республики. В 1935 г. вместе с четырьмя другими военачальниками он получил звание маршала Советского Союза.

Слава 1-й Конной пропагандировалась в книгах и кинофильмах, а все попытки «бросить пятно на ее героические дела» энергично пресекались (Бабелю, выпустившему сборник «Конармия», такая попытка стоила больших неприятностей, а возможно, даже и жизни).

Военно-теоретическими вопросами Семен Михайлович не интересовался, однако твердо стоял на том, что в грядущей войне «кавалерия себя еще покажет». Это еще больше сближало его со старым другом и соратником по 1-й Конной Климом Ворошиловым, выступавшим против сторонников ускоренной модернизации Красной армии (Тухачевского, Егорова, Уборевича и др.). Ошибочность подобной позиции стала очевидной уже во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и стоила Ворошилову должности наркома обороны. Высокий пост занял другой конноармеец — С. К. Тимошенко, а сам Буденный оказался при нем в роли первого заместителя.

В Великую Отечественную войну бывший «командарм-1» возглавил Юго-Западное направление, прикрывавшее Украину. В сентябре 1941 г. под Киевом немцы нанесли, вероятно, самое жестокое поражение советским войскам, в результате которого только в плен попало около 600—650 тыс. человек. Буденного перебросили под Москву и передали ему Резервный фронт, однако и здесь, в районе Вязьмы, последовала новая, столь же страшная катастрофа.

В конце концов Семена Михайловича назначили генерал-инспектором кавалерии: должность почетная, но почти ничего не значившая, учитывая, что роль конницы в новых условиях оказалась минимальной.

Имея поистине выдающиеся заслуги в Гражданской войне, Буденный получил лишь один орден Красного Знамени. Однако по мере того, как подлинная история 1-й Конной все больше обрастала легендами, награды сыпались на него с завидной регулярностью; впоследствии этот орден он получал еще трижды и столько же раз (в 1958, 1963, 1968 гг.) был Героем Советского Союза. На закате дней Семен Михайлович опубликовал три тома своих мемуаров «Пройденный путь», вызвавших бурю негодования со стороны бывших «думенковцев» и «мироновцев». Вероятно, эти нападки несколько омрачили старость легендарного маршала. Скончался он 26 октября 1973 г. и был торжественно похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Шкуро и Буденный представляют собой тип лихого атамана, чьи «шайки-банды» лишь в условиях Гражданской войны могли разрастись до размеров корпусов и армий. Оба они были весьма далеки от вопросов политики, сражаясь за более понятные и очевидные вещи — землю, славу, трофеи. Окажись Шкуро «иногородним», и его легко представить на стороне красных, родись Буденный казаком, и скорей всего он воевал бы на стороне белых. Оба исповедывали принцип «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах», и почти в полном соответствии с этим принципом сложились судьбы двух «рубак». Проиграв жестокую сабельную сечу под Воронежом, Шкуро в конечном счете сложил свою голову (правда, не в кустах, а на виселице). Его победитель Буденный получил свои «кресты» на грудь и вряд ли испытывал какие-нибудь терзания по поводу их происхождения.